

DOI 10.15393/j9.art.2017.4362

УДК 821.161.1.09“18”

Елена Леонидовна Сузрюкова*Новосибирская православная духовная семинария
(Новосибирск, Российская Федерация)*

sellns@mail.ru

ЕГИПЕТСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА

Аннотация. В статье рассматриваются библейские мотивы бегства в Египет и исхода из Египта на материале художественной и эпистолярной прозы А. П. Чехова. В его письмах Египет связан с благоприятными условиями жизни для тех, кто страдает легочными заболеваниями. Кроме того, посещение этой страны было мечтой писателя, которая не воплотилась в реальность. В раннем рассказе А. П. Чехова «Праздничные» мотив бегства в Египет вводится в юмористический контекст. Тот же мотив, наряду с мотивом исхода из Египта, использован автором в повести «Мужики». Как в письмах, так и в рассказах и повестях писателя мотив бегства в Египет сохраняет христианскую семантику спасения. В рассказе «Тоска» Египет присутствует неявно: он сопряжен с эпитафией к тексту, источник которого — духовный стих «Плач Иосифа Прекрасного, егда продаша его братья во Египет». Мотив пребывания в египетском рабстве — еще один ракурс рассматриваемой в данной статье темы — находит свое выражение в целом ряде произведений и писем А. П. Чехова. Этот мотив сопряжен со смыслами несвободы и скорби. В статье также выявляются и анализируются антиномичные образы преподобной Марии Египетской и Клеопатры Египетской. Кроме того, исследуется семантическая реализация в текстах А. П. Чехова устойчивого выражения «египетская казнь».

Ключевые слова: А. П. Чехов, рассказы, Египет, литературный мотив, библейские образы, семантика, Мария Египетская, Клеопатра Египетская

В эпистолярной прозе А. П. Чехова интерес к Египту обнаруживается в течение последних десяти лет его жизни, что, несомненно, связано с болезнью писателя — чахоткой: «...климат Египта считается идеальным для лечения легочных болезней, особенно зимой. Египтяне крайне редко болеют туберкулезом» [2, 10]. Вот некоторые выдержки из писем Чехова:

Мечтаю о поездке в Испанию, в Египет или в Корфу, но мечты остаются мечтами и такими останутся, вероятно, до самой

дохлой смерти (Ф. О. Шехтелю от 26 мая 1894 г., Мелихово)¹ (Письма, 5, 300);

Ужасно хочется в тепло, куда-нибудь в Египет или на озеро Комо (Н. М. Линтваревой от 6 сентября 1894 г., Феодосия) (Письма, 5, 314);

Теперь я дома, чувствую себя хорошо и, несмотря на верхушечный процесс (притупление и хрипы), кашляю только по утрам. К зиме, вероятно, уеду куда-нибудь — в Египет или в Сочи, теперь же нет особенной надобности уезжать, так как общее мое состояние недурно, температура нормальна и в весе я прибавляюсь (Н. М. Линтваревой от 1 мая 1897 г., Мелихово) (Письма, 6, 345);

Если будут деньги, то из Ниццы через Марсель поеду в Алжир и в Египет, где я еще не был (Л. С. Мизиновой от 18 (30) сентября 1897 г., Биарриц) (Письма, 7, 53);

Многоуважаемый Отец Архимандрит, до сих пор я еще не ответил на Ваше последнее письмо и не поблагодарил за книгу «Египет и египтяне», которую Вы прислали мне в ноябре (С. А. Петрову (архимандриту Сергию) от 27 мая 1898 г., Мелихово) (Письма, 7, 218-219);

...в Африку я не поеду теперь, а буду работать. <...> Египет и Алжир я оставил до будущего года (О. Л. Книппер от 17 (30) декабря 1900 г., Ницца) (Письма, 9, 154).

Присланная писателю архимандритом Сергием книга о Египте также свидетельствует об интересе Чехова к этой стране. Однако поездка в Египет так и не состоялась.

В письмах Чехова Египет фигурирует и в юмористическом ключе:

Дело еще не кончено, но переговоры ведутся настойчиво, и очень может быть, что когда ты будешь читать это письмо, то я буду уже продан в рабство во Египет (И. П. Чехову от 18 января 1899 г., Ялта) (Письма, 8, 27).

Речь идет о соглашении с издателем А. Ф. Марксом о его исключительном праве на печать произведений Чехова. Подобным образом — в шуточном смысле — египетская тема начинает звучать уже в ранних произведениях писателя. Так, в рассказе «Праздничные» эта тема возникает следующим образом:

Если же у него <обывателя> денег нет, то он делает заем; если же сделать займа почему-либо нельзя, то берет свое семейство и бежит в Египет... (*Сочинения*, 3, 214).

Здесь мотив бегства в Египет, восходящий к евангельской истории о спасении божественного Младенца от гнева Ирода, как и в чеховских письмах последних лет, обретает смысл избавления от несчастья и контрастирует с мотивом нахождения в египетском плену, упоминаемом в письме о соглашении с Марксом².

Мотив бегства в Египет есть и в произведении зрелого творчества А. П. Чехова — повести «*Мужики*» (1897). Именно этот фрагмент из Евангелия читает по просьбе матери Саша:

— «И бежи во Египет... и буди тамо, дондеже реку ти...» (*Сочинения*, 9, 289).

Дважды повторяется в тексте семантически рифмующийся с этим мотивом мотив ухода: в начале текста это отъезд из Москвы семейства Чикильдеевых, в конце — уход Ольги и Саши из деревни, мотив ухода, таким образом, «окольцовывает» текст. В Евангелии вынужденное оставление родных мест означало спасение и оставляло надежду на возвращение. В чеховском же повествовании история названной семьи драматична. Деревня Жуково не становится новым домом для семьи Чикильдеевых. Уже без Николая Ольга и Саша вновь возвращаются в Москву. Подобно евангельскому Иосифу Обручнику³, который упоминается лишь в начале Евангелий от Матфея и от Луки, а затем выводится из повествования (что связано в том числе и со смертью старца Иосифа), муж Ольги исчезает из повествования, а в центре изображения остаются мать и ее дитя. Сама деревня Жуково, которую характеризуют грязь, пьянство, немилосердное отношение людей друг к другу, сопоставима с Египтом: по словам блаж. Феофилакта Болгарского, «особенно два места были гнездом всякого нечестия — Вавилон и Египет; итак, от Вавилона Он принял поклонение чрез волхвов, а Египет освятил Собственным присутствием» [11, 72–73]. Ребенком, который несет благовест заблудшим, в чеховской повести становится Саша, читавшая деревенским Евангелие. Сам церковнославянский

язык прочитанного ею текста — знак принадлежности девочки к миру веры, с которым, очевидно, мало и поверхностно соприкасаются деревенские жители. Сама Саша весьма отличается от тех, кто ее окружает в Жуково:

Среди других девочек, загоревших, дурно остриженных, одетых в длинные полинялые рубахи, она, беленькая, с большими, темными глазами, с красною ленточкой в волосах, казалась забавною, точно это был зверек, которого поймали в поле и принесли в избу (*Сочинения*, 9, 289).

Сравнение с пойманным зверьком, как замечает З. С. Паперный, «не столь безобидно, как может показаться; в нем скрыто <...> ощущение неволи <...>» [7, 74]. В данном контексте уход Ольги и Саши из Жуково может быть осмыслен как освобождение от «египетского рабства», беспросветной деревенской жизни. Неслучайно, видимо, А. П. Чехов не закончил продолжение этой повести, рассказывающей о несчастной жизни персонажей в Москве (этот текст опубликован в разделе «Неоконченное» — (*Сочинения*, 9, 345–348)). Таким образом, мотив бегства в Египет в рассматриваемом нами произведении при соотнесении с уходом героев из Москвы оборачивается мотивом египетского рабства, пребыванием в несвободном положении. Но завершение повести может быть прочитано как освобождение от этого рабства, надежда на новую, светлую жизнь, которая начинается скитаниями, что позволяет говорить еще об одном мотиве, связанном с египетской темой, — исходе из Египта.

По-иному звучит египетская тема в рассказе «Тоска» (1886). Она задана посредством эпитафии: «Кому повем печаль мою?..» (*Сочинения*, 4, 326), где цитируется первая строка из духовного стиха, полное название которого таково: «Плач Иосифа Прекрасного, егда продаша его братья во Египет»⁴. Тема тоски сопряжена в рассказе с мотивом смерти: причина страданий извозчика Ионы Потапова — смерть единственного сына, а также невозможность поведать кому-либо о своей горе и тем облегчить его⁵. Скорбь ветхозаветного Иакова о любимом сыне Иосифе соотносится в рассказе через эпитафию с печалью Ионы об умершем сыне Кузьме. По мнению прот. А. Ткачева, «отношение к смерти есть та главная черта,

которая выделяет египтян из остального мира» [9, 298]. Смерть в Древнем Египте неизбежно связана с идеей новой жизни. В «Тоске» новую жизнь, без сына, начинает извозчик Иона. Абсолютно безнадежной эту жизнь все же считать нельзя: извозчик нашел адресата для выражения своей скорби⁶, пусть и необычного: «В деревне осталась дочка Анисья... <...> Иона увлекается и рассказывает ей все...» (*Сочинения*, 4, 330). Текст завершился многоточием, а не точкой. К тому же, по мнению А. Л. Топоркова, в стихе об Иосифе Прекрасном содержится «тема “самосхоронения”, погребения заживо как залога будущего воскресения и обретения новой личности» [10, 29]. Скорбь самого Иосифа, чей голос мы слышим в эпитафии, со временем иссякнет. То же самое должно произойти и с чеховским Ионой, чья жизненная ситуация семантически рифмуется со страданиями Иосифа.

Но если в рассказе «Тоска» безысходность скорби находит свое разрешение, переживание смерти смягчается тем, что герой выражает свое горе, то в других произведениях Чехова египетская тема нередко сопряжена со смыслом умирания или состоянием внутренней мертвенности персонажей. К примеру, в очерке «Из Сибири» (1890) старик, везущий рассказчика в тарантасике, «кряхтит или стонет, как египетский голубь» (*Сочинения*, 14/15, 10). Звуковая подробность подчеркивает возраст старика и его немощь. В рассказе «Учитель словесности» (1889–1894) египетские голуби⁷ — часть антуража дома Шелестовых, они тоже обозначают свое присутствие через звук: эти голуби «уныло стонали в большой клетке на террасе» (*Сочинения*, 8, 313). Данные стоны, рождающие ассоциации с мотивами страдания и пленения, символизируют историю неудачной женитьбы Никитина, ставшего несвободным и несчастным. Египетская тема усилена в рассказе образом Шебалдина, внешне похожего на мумию:

Звали его в городе мумией, так как он был высок, очень тощ, жилист и имел всегда торжественное выражение лица и тусклые неподвижные глаза. <...> даже брил себе усы и бороду, а это еще больше делало его похожим на мумию (*Сочинения*, 8, 316).

Именно Шебалдин, наделенный признаками персонажа из другого мира и другой культуры, напоминает Никитину о необходимости личностного развития.

Связанный с египетской темой мотив смерти появляется и в повести «*Черный монах*» (1893), когда Коврин, обращаясь к Тане, иронически именует себя Иродом, а Таню и Егора Семеныча — «египетскими младенцами» (*Сочинения*, 8, 253). Здесь наблюдается контаминация мотивов: Ирод избивал младенцев, но отнюдь не египетских; египетские младенцы напоминают о казнях египетских, которые были посланы за нежелание фараона отпустить еврейский народ. Эта смесь указывает на «расщепленное», нездоровое сознание главного героя и может служить иллюстрацией к «истории болезни»⁸. Как сообщал Чехов в письме М. О. Меньшикову 15 января 1894 года о данном произведении: «Это рассказ медицинский, *historia morbi*» (*Письма*, 5, 262).

Несколько раз в художественных и эпистолярных текстах Чехова встречается словосочетание «египетская казнь», под которой подразумевается то «безматериалье» (*письмо Н. А. Лейкину от 12/13 февраля 1884 г.*) (*Письма*, 1, 104), то «разливы рек» (*письмо Н. А. Лейкину от 5 июня 1890 г.*) (*Письма*, 4, 101), то «мошкара» («Из Сибири») (*Сочинения*, 14/15, 33). «Египетская казнь», таким образом, приобретает в текстах писателя значение неких препятствий, не смертельных, однако неприятных.

В художественных и эпистолярных произведениях Чехова выявляются женские образы, связанные с Египтом. В письме к брату Ал. П. Чехову от 2 января 1894 г. есть шутливая подпись «Антон и Клеопатра Чеховы» (*Письма*, 5, 259), где имеется в виду, что Антон — сам писатель, а Клеопатра — его жена, Ольга Леонардовна. Хотя мы не отрицаем комического характера этой подписи, отметим все же ее связь с одноименной шекспировской пьесой⁹, в которой Антоний трагически погибает из-за страсти к роковой женщине Клеопатре. В этом семантическом поле отчасти может быть осмыслена и судьба самого Чехова¹⁰.

Антоний и Клеопатра как парные персонажи упоминаются в ранних произведениях Чехова «*Контора объявлений Антоши Ч.*» (1881) и «*Моя "она"*» (1885). В первом акцентируется

любовная связь между ними в форме представления публике в качестве музейного экспоната невидимых сетей, их соединяющих: «Сети, в кои увлекла развратного Антония прекрасная Клеопатра» (*Сочинения*, 1, 102). Во втором — с помощью такой художественной детали как ложе: «Я пишу эти строки, а она толкает меня под локоть и ежесекундно, как древняя Клеопатра не менее древнего Антония, манит меня к ложу» (*Сочинения*, 4, 11) (здесь несомненно влияние пушкинских «Египетских ночей»). С Клеопатрой Египетской Чехов сравнивает некоторых своих героинь, при этом подчеркивая такие их качества, как «томность» (рассказ «*От нечего делать*», 1886) и «манерность и странность» (повесть «*Моя жизнь*», 1896):

...на бархатной кушетке, спустив ноги на скамеечку, полулежала его жена, Анна Семеновна, дама тридцати трех лет; поза ее, небрежная и томная, походила на ту позу, в какой обыкновенно рисуется Клеопатра египетская, отравляющая себя змеями («*От нечего делать*») (*Сочинения*, 5, 158);

...она <сестра Мисаила> некстати надела серьги и брильянты и была странно одета, заметили и другие; я видел на лицах улыбки и слышал, как кто-то проговорил, смеясь:

— Клеопатра Египетская.

Она старалась быть светскою, непринужденной, покойной и оттого казалась манерною и странной. Простота и миловидность покинули ее («*Моя жизнь*») (*Сочинения*, 9, 266).

Наконец, Клеопатра — имя, которое дано отдельным персонажам произведений писателя: Клеопатра Сергеевна — «распущенная женщина», по определению супруги героя (рассказ «*Конь и трепетная лань*», 1885); мать несостоявшейся невесты (рассказ «*Неудача*», 1886); Клеопатра Алексеевна, сестра главного героя повести «*Моя жизнь*», где это имя трактуется как алогичное и несообразное, соответствующее бесталанному архитектурному стилю их отца. В последнем из процитированных фрагментов ирония публики основывается как раз на имени героини.

Другой женский образ, связанный с Египтом, семантически полярный по отношению к образу Клеопатры и в то же время соотносимый с ним, также фигурирующий в произведениях Чехова, — Мария Египетская. С Клеопатрой она может быть

сопоставлена в рамках оппозиционных категорий «античность / христианский мир», более конкретно — в пределах категории «нераскаянная грешница¹¹ / кающаяся грешница». Мария Египетская упоминается в рассказе «Припадок» (1888), символизируя потенциальную возможность измениться женщинам из публичного дома, а в рассказе «Панихида» (1886) — как пример получившей прощение блудницы. Как видим, семантика греха, связанная с этим образом, присутствует в текстах Чехова, но она неотделима от семантики покаяния, задающей высокую духовную перспективу для тех, кто сравнивается с преподобной Марией Египетской.

Итак, египетская тема реализуется в текстах писателя, с одной стороны, в мотивах бегства в Египет и исхода из Египта и имеет семантику спасения, с другой — она сопряжена с мотивами скорби, несвободы и смерти. Кроме того, в произведениях и письмах А. П. Чехова присутствуют семантически поллярные по отношению друг к другу образы Клеопатры Египетской и Марии Египетской, связанные со смыслами греховной жизни и возможности покаяния соответственно.

Примечания

- ¹ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974–1982. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках, с использованием слов *Сочинения* и *Письма*.
- ² Подробнее о взаимоотношениях А. П. Чехова с его издателем А. Ф. Марксом см. в книге И. П. Видуэцкой [3].
- ³ Библейский Иосиф Обручник упоминается лишь в двух «деревенских» повестях А. П. Чехова — «Мужики» и «В овраге». В последнем случае старик Елизаров видит в св. Иосифе древнего носителя своей — плотницкой — профессии.
- ⁴ В 12-томном собрании сочинений А. П. Чехова есть неточность в примечании к рассказу «Тоска»: в качестве источника эпиграфа там указываются «слова из Псалтири» (Чехов А. П. Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1985. Т. 4. С. 80), а не «Плач Иосифа Прекрасного». Верный источник указан в примечаниях к рассказу в 30-томном собрании сочинений писателя (*Сочинения*, 4, 514). Ср. текст, напр., по изданию: Стихи духовные / сост. Ф. М. Селиванов. М.: Советская Россия, 1991. С. 58–60.
- ⁵ По мнению А. Д. Степанова, коммуникативная проблема сопряжена в этом рассказе также с «беспомощностью человека в выражении своих чувств» [8, 191]. А. И. С. Леонов и А. В. Янина рассматривают другой

аспект коммуникативной проблемы в рассказах «Тоска» и «Ванька», анализируя мотив *не услышан / не понят* в сюжете названных произведений [5].

- ⁶ Примечательно, что проблема невысказанного слова есть и в библейской книге пророка Ионы, которая «отличается по жанру от других пророческих книг Ветхого Завета», содержащих «прежде всего слова самих пророков. Повествование в этих книгах может либо отсутствовать <...>, либо быть фоном для пророчеств <...>. Книга прор. Ионы — это в первую очередь повествование, где И. произносит ряд небольших реплик, а также псалом <...>» [13, 378]. Таким образом, немногословность чеховского Ионы напоминает речевую неактивность одноименного библейского персонажа.
- ⁷ Подробнее анализ образов животных в этом рассказе см., к примеру, в кн. Л. М. Цилевича [12].
- ⁸ См. также исследование евангельских реминисценций в этом рассказе в работе Н. П. Жилиной [4].
- ⁹ А. П. Чехов в письме к М. П. Чеховой от 17 марта 1891 года отмечает блестящую игру итальянской актрисы Дузе в шекспировской «Клеопатре». Он пишет: «Я по-итальянски не понимаю, но она так хорошо играла, что мне казалось, что я понимаю каждое слово» (*Письма*, 4, 198). Характерна здесь номинация пьесы Шекспира — по имени одной героини, без Антония, как центрального персонажа трагедии.
- ¹⁰ Показателен здесь, к примеру, такой эпизод. Т. Л. Щепкина-Куперник, вспоминая о Чехове, пишет: «Я изумилась происшедшей с ним перемене <...>. Он горбился, зябко кутался в какой-то плед и то и дело подносил к губам баночку для сплевывания мокроты. <...> В тот вечер, что я пришла к Чехову, О<льга> Л<еонардовна> участвовала в каком-то концерте. За ней приехал корректный Немирович во фраке с безупречным белым пластроном. О<льга> Л<еонардовна> вышла в нарядном туалете, повеяло тонкими духами, ласково и нежно простилась с А<нтонном> П<авловичем>, сказав ему на прощанье какую-то шутивную фразу, чтобы он без нее не скучал и “был умником”, — и исчезла.

А<нтон> П<авлович> поглядел ей вслед, сильно закашлялся и долго кашлял. <...> и, когда прошел приступ кашля, сказал без всякой видимой связи с нашим предыдущим разговором, весело вертевшимся около воспоминаний Мелихова, прошлого, общих друзей:

— Да, кума... помирать пора» (Щепкина-Куперник Т. Л. О Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит. 1986. С. 256–258).

В воспоминаниях И. А. Бунина, встречавшегося с писателем и драматургом во время пребывания Чехова в Москве, тоже содержатся подобные эпизоды: «Ежедневно по вечерам я заходил к Чехову, оставался иногда у него до трех-четырёх часов утра, то есть до возвращения Ольги Леонардовны домой.

Чаще всего она уезжала в театр, но иногда отправлялась на какой-нибудь благотворительный концерт. За ней заезжал Немирович во

фраке, пахнущий сигарами и дорогим одеколоном, а она в вечернем туалете, надушенная, красивая, молодая, подходила к мужу со словами:

— Не скучай без меня, дусик, впрочем, с Букишончиком тебе всегда хорошо... До свиданья, милый, — обращалась она ко мне. Я целовал ее руку, и они уходили. Чехов меня не отпускал до ее возвращения. И эти бдения мне особенно дороги. <...>

Часа в четыре, а иногда и совсем под утро возвращалась Ольга Леонардовна, пахнущая вином и духами...

— Что же ты не спишь, дуся?.. Тебе вредно. А вы тут еще, Букишончик, ну, конечно, он с вами не скучал!» (Бунин И. А. Чехов // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1986. С. 504, 506).

Эти фрагменты свидетельствуют о том, что, хотя Чехов и страдал от чахотки, отсутствие гармонии в семейной жизни тоже отрицательно влияло на его здоровье, как и переезд из Ялты в Москву, куда он приехал, чтобы быть рядом с женой, и климат которой был неблагоприятен для легочных больных.

- ¹¹ Ср. высказывание В. Непомнящего об «издавна преследующем Пушкина образе Клеопатры», которая определяется исследователем как «сладо-страстная убийца и самоубийца, продающая любовь за смерть» [6, 260].

Список литературы

1. Богодерова А. А. Сюжетная ситуация ухода в творчестве А. П. Чехова // Сибирский филологический журнал. — Новосибирск, 2010. — Вып. 2. — С. 29–33.
2. Васильев А. М. Египет и египтяне. — М.: Мысль, 1986. — 255 с.
3. Видуэцкая И. П. А. П. Чехов и его издатель А. Ф. Маркс. — М.: Наука, 1977. — 167 с.
4. Жилина Н. П. Евангельские реминисценции в повести А. П. Чехова «Черный монах» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. Вып. 8: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. — Вып. 5. — С. 461–480 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=3461> (20.05.2017).
5. Леонов И. С., Янина А. В. Мотив «не услышан / не понят» в рассказах А. П. Чехова «Тоска» и «Ванька» как основа формирования философий одиночества в творчестве писателя // Новая наука: теоретический и практический взгляд. — 2016. — № 8 (88). — С. 120–123.
6. Непомнящий В. «Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный...». О некоторых современных толкованиях Пушкина // Новый мир. — 1974. — № 6. — С. 248–266.
7. Паперный З. С. «Мужики» — повесть и продолжение // В творческой лаборатории Чехова. — М.: Наука, 1974. — С. 54–77.
8. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 400 с.
9. Ткачев А., прот. Мы вечны! Даже если этого не хотим: в 2 кн. — Симферополь: Родное Слово, 2014. — Кн. 1. — 304 с.

10. Топорков А. Л. Духовные стихи в русской литературе первой трети XX века // Русская литература. — 2015. — № 1. — С. 5–29.
11. Феофилакт Болгарский, блаж. Толкования на Евангелие от Матфея // Феофилакт Болгарский, блаж. Благовестник: в 4 т. — М.: Изд-во Сре-тенского монастыря, 2010. — Т. 1. — 448 с.
12. Цилевич Л. М. Сюжет чеховского рассказа. — Рига: Звайгзне, 1976. — 238 с.
13. Эйделькинд Я. Д. Интерпретация жанра Книги прор. Ионы в со-временных исследованиях // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. — М.: Церков-но-научный центр «Православная энциклопедия», 2010. — Т. XXV: Иоанна деяния — Иосиф. — 752 с. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravenc.ru/text/578248.html> (20.05.2017).

Elena L. Suzryukova

*Novosibirsk Orthodox Theological Seminary
(Novosibirsk, Russian Federation)*

sellns@mail.ru

THE EGIPTIAN THEME IN THE WORK OF A. P. CHEKHOV

Abstract. The present article deals with the biblical themes of the escape to Egypt and the exodus from Egypt as depicted in the narrative and the epistolary fiction of the writer. In the letters of A. P. Chekhov Egypt is associated with favorable living conditions for those who suffer from lung diseases. Besides, the author was taken with the idea of visiting this country, but his dream did not come true. In the early Anton Chekhov's short story "Holiday" ["Prazdnichnye"] the motif of the escape to Egypt is put in a humorous context. The same motif along with the motif of the Exodus from Egypt was used by the author in the story "Men" ["Muzhiki"]. Both in the letters and in the stories and novels of the writer, the motif of the escape to Egypt keeps the Christian semantics of Salvation. In the short story "Misery" ["Toska"] Egypt is implicitly present — it is linked with the epigraph to the text, the basis for which is a spiritual verse "Weeping of Joseph, when his brothers sold him in Egypt". The motif of being in Egyptian slavery — another aspect of the theme in question — translates into a number of works and letters of A. P. Chekhov. This motif is associated with the meanings of freedom and grief. The article reveals and analyses the antinomic images of St. Mary of Egypt and Cleopatra of Egypt. Besides, it explores semantic realization of the set expression "plague of Egypt".

Keywords: Chekhov, short stories, Egypt, literary motif, biblical images, semantics, Mary of Egypt, Cleopatra of Egypt

References

1. Bogoderova A. A. The Plot Situation of the Escape in the Works of A. P. Chekhov. In: *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Journal]. Novosibirsk, 2010, issue 2, pp. 29–33. (In Russ.)
2. Vasil'ev A. M. *Egipet i egiptyane* [Egypt and the Egyptians]. Moscow, Mysl' Publ., 1986. 255 p. (In Russ.)
3. Viduetskaya I. P. A. P. *Chekhov i ego izdatel' A. F. Marks* [A. P. Chekhov and His Publisher A. F. Marx]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 167 p. (In Russ.)
4. Zhilina N. P. Evangelical Reminiscences in Anton Chekhov's Short Story "The Black Monk". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2008. Vol. 8: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XIX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–19th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre]. Issue 5, pp. 461–480. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=3461> (accessed 20 May 2017). (In Russ.)
5. Leonov I. S., Yanina A. V. The Motif "Has Not Been Heard" / "Has Not Been Understood" in the Stories of Anton Chekhov "Misery" and "Vanka" as the Basis for Formation of Philosophy of Loneliness in the Writer's Works. In: *Novaya nauka: teoreticheskii i prakticheskii vzglyad* [A New Science: A Theoretical and Practical View], 2016, no. 8 (88), pp. 120–123. (In Russ.)
6. Nepomnyashchii V. "Come Sometimes to Read My True Scroll...". About Some Modern Interpretations of Pushkin. In: *Novyy Mir*, no. 6, pp. 248–266. (In Russ.)
7. Papernyy Z. S. "Men" — the Story and the Sequel. In: *V tvorcheskoy laboratorii Chekhova* [In the Creative Laboratory of Chekhov]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 54–77. (In Russ.)
8. Stepanov A. D. *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [The Problems of Communication in Chekhov's Works]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2005. 400 p. (In Russ.)
9. Tkachev A., archpriest. *My vechny! Dazhe esli etogo ne khotim: v 2 knigakh* [We Are Eternal! Even if We Do not Want It to Be So: in 2 Books]. Simferopol, Rodnoe Slovo Publ., 2014, book 1. 304 p. (In Russ.)
10. Toporkov A. L. Spiritual Verses in Russian Literature of the First Third of the 20th Century. In: *Russkaya literatura*, 2015, no. 1, pp. 5–29. (In Russ.)
11. Feofilakt Bolgarskiy, blessed. Commentaries on the Gospel of Matthew. In: *Feofilakt Bolgarskiy, blazhennyy. Blagovestnik: v 4 tomakh* [Theophylactus of Bulgaria, Blessed. Evangelist: in 4 Vols]. Moscow, Publishing House of the Sretensky Monastery, 2010, vol. 1. 448 p. (In Russ.)
12. Tsilevich L. M. *Syuzhet chekhovskogo rasskaza* [The Plot of Chekhov's Story]. Riga, Zvaygzne Publ., 1976. 238 p. (In Russ.)
13. Eydel'kind Ya. D. Interpretation of the Genre of the Book of Prophet Jonah in Modern Studies. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Church Research Center "Orthodox Encyclopedia" Publ., 2010, vol. 25: John's Deeds — Joseph. 752 p. Available at: <http://www.pravenc.ru/text/578248.html> (accessed 20 May 2017). (In Russ.)

Дата поступления в редакцию: 08.06.2017